

ИЕРОМОНАХ ДИОНИСИЙ (ШЛЕНОВ)
 ПРОПОВЕДЬ В ДЕНЬ ПАМЯТИ
 СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ДИОНИСИЯ
 АРЕОПАГИТА¹

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
 Дорогие братья и сестры!

В сегодняшнем евангельском чтении, посвященном памяти ныне воспоминаемого священномученика Дионисия Ареопагита, святого I в., мы слышали такие слова: *Всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое*². Что означают эти слова? Они могут быть поняты по-разному. Во-первых, в общем контексте евангельского повествования они звучат обличительно. Они обличают не только ветхозаветных, но даже «новозаветных» книжников. Этими словами обличается мертвое знание о Боге, не проникнутое и не осленное живой верой в Него. «Новое» — это знание о Боге, «старое» — это знание мирское непретворенное, и, более того, довлеющее над знанием одухотворенным. «Старое» — это также дурные привычки, нравы, обыкновения, с которыми мы не можем и не хотим расстаться. Кто из нынешних или будущих пастырей-богословов не применил бы этих слов к себе, видя, насколько высокое богословие не соответствует печальной реальности нашего греховного бытия?

Во-вторых, эти слова можно истолковать в переносном смысле и применить их к православным богословам, пытающимся умозрительно и деятельно достичь Царствия Небесного. Если такой христианский «книжник» по-настоящему «научен Царствию

¹ Произнесена в Покровском академическом храме 3 октября 2005 г.

² Мф. 13, 52.

Небесному», тогда между «новым» и «старым» стирается противоречие и остается их нераздельное согласие. Знание о Боге, Творце мира, уже не находится больше в противоречии со знанием о мире, с так называемой «внешней мудростью», но одно только восполняет другое. Водораздел между старым и новым можно провести и иным способом: «старое» — это не только философия, но и теоретические, порой даже схоластические основы богословия, «новое» — это «знание сущих», «созерцание логосов», о котором писали прп. Максим Исповедник и другие великие отцы аскетико-тайнозрительного направления. Книжник, «наученный Царствию Небесному», является «хозяином», владыкой, который обладает знанием и правильным истолкованием знания в силу сопричастности своей Царствию Небесному.

Несомненно, что Дионисий Ареопагит, обратившись ко Христу в афинском Ареопаге после проникновенной проповеди апостола Павла, стал настоящим христианским книжником в лучшем смысле этого слова. Он был тончайшим знатоком языческой мудрости, которая и в дальнейшей его жизни оказалась востребованной и преобразованной благодаря христианской вере. Дионисий Ареопагит известен как высочайший богослов, как тайнозритель Божественных тайн, он воспевается в церковных молитвословиях как тот, кто учил о небесной и церковной иерархии, о Божественных именах, о непостижимости Бога. Так, в поэтических строках, посвященных святому Дионисию прп. Феодором Студитом, сказано:

«Великим в Божественном именуемый, триблаженне,
 Ты ангельские таинственно изображаешь силы,
 И всю иерархию завершая,
 Исполняешь затем мир догматов обилием»³.

³ *Theod. Stud. Epigram. 65. Eic τὸν ἄγιον Διονύσιον* (ed. P. Speck. TLG 2714/3).

Πολὺς τὰ θεῖα χρηματίζων, τρισμάκαρ,
 τοὺς ἀγγέλους σὺ μυστικῶς διαγράφεις
 καὶ συμπεραίνων πᾶσαν ἱεραρχίαν
 τὸν κόσμον ἐνθεν δογμάτων πληροῖς πλάττει.

И даже если Ареопагит не написал, как утверждает современная патрологическая наука, известных под его именем сочинений, от этого нисколько не умаляются его труды, оставшиеся в таком случае неизвестными нам, но ведомыми в мире горнем, в Царствии Небесном.

Вспомним вкратце его житие. До принятия христианства Дионисий был язычником, жителем Афин, возможно одним из судей Ареопага. Как судья он, должно быть, был строг и справедлив как по отношению к другим, так и по отношению к себе; несомненно, что он был мудр, постигнув тайны человеческой мудрости, которые, однако, не затворили, переполнив, его сердце, но еще более укрепили его в открытости и внутренней свободе. В спасительную веру Христову его обратил апостол Павел во время своей известной проповеди в Ареопаге, о чем сказано в Деяниях апостольских: *Некоторые же мужи, пристав к Павлу, уверовали; между ними был Дионисий Ареопагит и женщина, именем Дамарь, и другие с ними*⁴. Но на этом не прекратилось общение внезапно появившегося учителя и ученика, с легкостью откликнувшегося на его призыв. По преданию, апостол Павел рукоположил его со временем во епископы, он стал первым епископом Афин. Он же, подобно апостолу языков, сподобился мученической кончины.

Ареопагит стал не только первым епископом столицы языческой учености, но и первым богословом. Богословие — это слово о Боге, Который полностью всегда остается непостижимым, и в то же самое время удивительным образом оказывается постижимым и доступным для глубоко верующего сердца. В этом отношении и само богословие отнюдь не ограничивается одними только словесными формулировками. Оно — наука, превосходящая всякую науку, в нем внутренняя песнь, понятная Богу и безумная для людей, неизвестные глаголы апостола Павла, таинственная Пятидесятница, искусство не только и не столько слова, сколько молчания. Согласно речению св. Григория Богослова: «Говорить о Боге — великое дело, но

⁴ Деян. 17, 34.

гораздо больше — очищать себя для Бога»⁵. Эта антиномичность была провозглашена апостолом Павлом в Ареопаге, где Дионисий и услышал благую весть о том, что, с одной стороны, Бог живет не в рукотворенных храмах, а с другой — что Он всегда поблизости от каждого от нас. Услышав проповедь перед алтарем, посвященным «неведомому Богу», Ареопагит не утратил стать верным служителем и апологетом неведомого и одновременно близкого Бога.

Языческая философия учила о непостижимом Боге, постичь Которого абсолютно невозможно. И в то же время язычники предавались дикому идолослужению. Апостол Павел обличил второе, Ареопагит попытался уврачевать первое. Слова апостола Павла о том, что Бог «недалеко от каждого из нас», оказались очень созвучны верующему сердцу новообращенного. Всем известно учение, изложенное в Ареопагитиках, о Божественных именах, которое — при отсутствии других текстов — так или иначе будет выражать мысль нашего святого. «Таким образом к Причине всяческих, пребывающей превыше всего, будут подходить и безымянность, и все имена сущих». Бог, непостижимый по сущности, становится постижимым через Свои Божественные имена. Бог, непричастуемый по сущности, становится причастуемым через Свои Божественные энергии. В частности, Бог именуется «Обладающим изначально всеми сокровищами всяческого знания, ... Пренебесным, Пресущественным, Солнцем, звездой, огнем, водой, духом, росой, облаком, самоцветом (αὐτόλιθον) и камнем». Он — «Все сущее» и «Ничто из сущего»⁶.

В том же евангельском чтении мы слышали также рассказы о человеке, нашедшем скрытое на поле сокровище, и о купце, нашедшем жемчужину. *Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем*

⁵ Μέγα τὸ περὶ Θεοῦ λαλεῖν, ἀλλὰ μείζον τὸ ἑαυτὸν καθαίρειν Θεῷ. Greg. Naz. Or. 32:12 (Свт. Григорий Богослов. О соблюдении доброго порядка в беседе. Т. 3. С. 119).

⁶ Dion. Ar. De div. nom. 1, 6. P. 118:13—119:9 (ed. B. R. Suchla. TLG 2798/4).

идет и продает все, что имеет, и покупает поле то. Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее⁷. Совсем недаром совершается такая исключительная жертва, недаром купец продает все, что ему удалось собрать за всю свою жизнь, — ведь Сокровище и Жемчужина, или Самоцвет, оказываются в том же ряду Божественных имен. Чтобы обрести это сокровище, необходимо перекопать весь мир, чтобы отыскать жемчужину, должно переплыть все моря и океаны. Обрести Божественное имя трудно, ведь это отнюдь не одно только абстрактное признание бытия Божия, но деятельное обогащение всего своего бытия Божественной благодатью, таинственное преображение, восстание из павшего состояния, неизреченная радость, единение с Богом.

Насколько мы готовы к тому, чтобы отыскивать Божественные имена и жертвовать ради них всем, что имеем? Не воспринимаем ли мы их наряду с богословием только интеллектуально, понимая, что Бог — сокровище, но не предавшись всецело разыскиванию этого сокровища? Не расслабляет ли нас сама мысль о близости к нам Бога или, наоборот, о Его удаленности? Ведь если Бог близок к нам, значит можно Его и не искать. А если Бог удален от нас, то в таком случае мы можем безнаказанно жить в свое удовольствие, позабыв о Нем. Но нет, Бог с теми, кто Его ищет, и наказует тех, кто отступает от Него! Бог преподает нам Себя в таинстве Евхаристии, а мы по неразумию и после таинства часто легкомысленно остаемся такими, как мы есть. Бог стучится в клеть нашего сердца, а оно спит. Бог ожидает нашего исправления, а мы ожидаем чуда в бездействии. Мы творим себе кумиров вместо того, чтобы стать храмом Бога, обрести единство с Иисусом Христом, «нашим божественнейшим престолом», как сказано в Ареопагитиках⁸.

Из вышеуказанных евангельских слов нам должно понять, что

⁷ Мф. 13, 44—46.

⁸ τὸ θεϊότατον ἡμῶν θυσιαστήριον Ἰησοῦς. *Dion. Ar. Eccl. hier.* III, 12. P. 103:4—5 (ed. G. Heil, A.M. Ritter. TLG 2798/2).

богословие — это труд, поиск, искания. Это бдение ума, души и тела. Богословие — это высшая мудрость, которая дается не через отказ от внешней мудрости, а через преображенное пользование, внимание таковой.

В то же самое время богословие не всегда доставляет нам радость. Мы можем воспринимать его как труд, как обязанность, как работу, если хотите, как послушание. Мы богословствуем, когда нас заставляют, а когда дают волю, бездействуем. Но тот, кто по-настоящему обретет Божественное имя и запечатлеет его на сокровенных скрижалях душевной клетки, тот уже никогда не забудет о нем.

Учение о том, что Бог «недалеко от каждого из нас», что мы должны найти сокровище, драгоценные камни, Божественные имена, неоднократно излагалось святыми отцами, которые включали в ряд Божественных имен имена христианских добродетелей. Согласно прп. Никите Стифату наш Спаситель Иисус Христос «именуется ... Смирением и Кротостью, ибо говорит: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим*⁹»¹⁰.

А в Ареопагите, согласно сегодняшнему евангельскому чтению, парадоксальным образом сочетаются две черты: поразительно, что он соединяет в себе «новое» и «старое» и в то же время готов полностью отказаться от всего «старого» ради нового и все совершеннейшего бесценного сокровища.

И нам с вами подобает подобно Ареопагиту быть тонкими знаками как старого, так и нового. Он остается для нас и на все времена примером богослова, который не страшился говорить о Боге в категориях, привычных для тех, кого он должен был убедить. Он слушал и услышал то, о чем проповедовал апостол Павел. Он не оставил на другой раз, на потом, не отложил до лучших времен усвоение и исполнение его живительных слов. Вот и нам бы стяжать великую его духовную чуткость, присущие ему при этом глубокое послушание и весь сонм христианских добродетелей.

⁹ Мф. 11, 29.

¹⁰ *Nic. Steth. Cent.* 3, 11.

ОТДЕЛ III

Дионисий Ареопагит преодолел непреодолимое по исключительной своей духовной мудрости, услышав призыв Божий. Пусть разрешению противоречия и даже конфликта между старым и новым, между знанием и верой послужат слова Священного Писания о том, что кто свою душу погубит, тот обретет ее¹¹. Воистину, нам должно погубить свое ветхое знание, чтобы обрести преображенное во Христе. Должно обогатиться смирением и кротостью, которые однажды помогут нам окончательно преодолеть отделяющее нас от Бога средостение. Аминь.

¹¹ Ср.: Лк. 17, 33.